

Прекрасную песнь в честь своего кумира — танца воплотила на сцене балерина

Сначала было слово? По-звольте не согласиться. Сначала было движение, жест. Затем явился миру танец и взял на себя функции, слову неподвластные. Когда же к сути танца прикоснется тот, чье назначение вдохнуть в движение смысл и жизнь, тогда танец щедро отзовется и подарит то, что сокрыто в нем. А глубина его беспредельна. В нем просторно и мыслям, и чувствам, и самым неистовым страстям. Так к кому же благосклонен капризный бог танца? К немногим. Цискари Баланчивадзе — балерина с фиалковыми глазами — одна из его избранниц. Ни в какой иной судьбе, кроме балетной, представить ее невозможно. Потому что вся жизнь ее — в танце, ради танца, для танца. Все силы, все порывы души, все радости и печали, мысли она принесла на его алтарь.

Далеко не все безупречно в исполнении балерины. Придирчивый взор порой отыщет нарушение строгих канонов школы. Да и танцевальная манера, возможно, не всем придется по душе, но глаз отвести от нее вряд ли захочется: хрупкая фигурка с беззащитно приподнятыми плечами трогательна, нежное лицо, обремененное прической, вызывающей в памяти старинные гравюры, — притягательно, та-

нец же — негромок, невесом, красив и деликатен.

Ничего необычайного не творит балерина на сцене. Она просто возвращает танцу истонное его назначение. Танец — то, что возвышает нашу душу. И если пойти вслед за ней, мало на кого похожей танцовщицей, то она может привести нас в призрачный мир чувств и грез.

Такова балерина, заслуженная артистка Грузинской ССР Цискари Баланчивадзе. С постоянной мечтой о подмостках сцены и таким, увы, нечастым в последние годы появлением на них.

Творческий вечер балерины, который недавно состоялся на сцене Тбилисского академического театра оперы и балета имени З. Палиашвили, разместил второй акт из балета «Жизель» Адана, «Мелодию» Глюка в постановке Джордже Баланчина и его же «Серенаду» на музыку П. Чайковского. Те, кто знают эти балеты, поймут, почему балерина обратилась к такому репертуару. Романтизм наиболее близок ей. И в этот теплый, уютный вечер Ц. Баланчивадзе хотелось подарить нам то, что наиболее дорого. Щедрый дар! И правильный выбор. Где еще может проявить себя поэтичность ее натуры, как не в «Жизели» или в «Серенаде»?!

...«Серенада». О чем этот

балет, не имеющий сюжета и говорящий обо всем? О радости бытия, о бренности сущего, о любви и смерти? Нет, зряшная попытка передать поэзию Танца. И не менее трудно поделиться впечатле-

нием от своеобразной пластики и настроения, порождаемого им, когда этот балет танцует Цискари. Ее движения, быстрые и робкие, напоминают порхание птицы. Ее арабески подобны тихому

вскрику, туры быстры и трепетны — она торопится высказать то, чем полна душа. Баланчин ставил свою «Серенаду» для другой балерины и на другом континенте, но он, этот балет, удивительно созвучен Ц. Баланчивадзе.

...Жизель ее необычна. Нет, не по трактовке образа. По облику, тихому и нежному, по бледному лицу и молитвенно сложенным рукам, по покорности судьбе и по взору, любящему, трагическому.

Красива ее героиня в «Мелодии» Глюка. Распущенные волосы выются по плечам, длинный хитон обвивает легкий, тонкий стан, а балерина опять поет вечную песню свою — о любви, о мимолетности красоты, о разлуке и надежде.

Все героини Цискари Баланчивадзе, — а исполнила она за эти годы множество партий и в классических, и в современных балетах, — весьма своеобразны, потому что своеобразна она, создавшая их. Творческий вечер балерины лишь подтвердил эту истину.

Нелли ШУРГАЯ.

* * *

На снимке: танцует Цискари Баланчивадзе.

Фото Михаила Квирикашвили.